

С.В. Михневич

«Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России¹

Аннотация. В статье рассматриваются особенности влияния «эффекта колеи» на деятельность руководства страны по трансформации ее внешней политики. Анализируются существующие сложности, связанные с состоянием современного этапа развития системы международных отношений и мировой политики. В работе обращается внимание на роль ценностного и идеологического измерений в формировании питательной среды для осуществления масштабных трансформационных проектов. Также в статье рассматриваются изменения в стратегической повестке дня России и реализация ключевых российских институциональных инициатив на международной арене.

Abstract. The article considers the special features of the «dependence path» effect to the activity of the authorities in the sphere of external policy transformation. The author analyses existing difficulties, connected with the modern stage of the international system. In the article, the author draws attention to the contribution of the values and ideology to the forming of environment for implementation of major-scale transformative projects. The article examines the changes in the strategy's agenda of the Russian Federation and the process of the Russian major international institutional initiatives' implementation.

¹ Исследование подготовлено при поддержке гранта РГНФ 14-07-0059 «Политические функции региональных экономических объединений в современном мире».

Ключевые слова: Россия, «эффект колеи», институты, институционализация, Азия, Китай, «мягкая» сила, культура, экономика, международная торговля, дипломатия, международные отношения, мировая политика.

Keywords: Russia, «dependence path», institutes, institutionalization, Asia, China, «soft» power, culture, economic development, foreign trade, diplomacy, international relations, world politics.

Факторы устойчивости в неустойчивом мире

Современный мир настолько сложен и неоднозначен, что многие понятия и сущности, казавшиеся недавно совершенно ясными и очевидными, сегодня теряют свой первоначальный смысл. К примеру, корректное понимание процессов, затрагивающих сферу внешней политики отдельных стран, невозможно, если не учитывать тот факт, что за последнее время радикально изменилась среда международных отношений. Более того, говорить о международных отношениях как совокупности взаимодействий исключительно между государствами нельзя, поскольку на международной арене появились новые серьезные игроки. В их число можно включить международные межправительственные и негосударственные организации, бизнес, средства массовой информации.

Выход на новый уровень и широкое распространение современных средств коммуникации добавили в этот список общества разных стран и транснациональные сообщества как объединения людей, связанных общими идеями. Новые участники международных взаимодействий имеют негосударственную природу, т.е. принципиально отличаются от традиционных акторов – государств и международных межправительственных организаций.

Дополнительные сложности в понимание современных международных интеракций вносит и серьезное взаимопроникновение и переплетение сфер внутренней и внешней политики государств. Это связано в том числе с упомянутым выше процессом расширения числа международных акторов и изменением международной среды, а также с расширением сфер, связанных с международными контактами.

Американский ученый Майкл Манн пишет об отсутствии системности в функционировании отдельных элементов и форм

взаимодействия в рамках отдельных обществ и на международной арене: «Я рассматриваю общества не как системы, а как множественные пересекающиеся сети взаимодействия, из которых наиболее важными являются четыре – это сети идеологических, экономических, военных и политических властных отношений. Сюда можно добавить геополитику как особое сочетание военной и политической власти, варьирующихся между тем, что принято называть “грубой” (жесткой) и “мягкой” силой. Каждый из этих четырех или пяти источников власти может обладать своей внутренней логикой и направленностью развития» [Манн, 2015, с. 114]. Одновременно все указанные источники социальной власти имеют собственные внутренние циклы развития и противоречия. «Все эти динамики *«ортогональны»*¹ по отношению друг к другу. Это означает, что мы можем до определенной степени выявить лишь “внутреннюю” динамику одного источника власти, поскольку каждый из них не абсолютно автономен от других и развитие одного затрагивает развитие других» [там же, с. 115].

Нобелевский лауреат Дуглас Норт в своих работах пишет о *неэргодичности*² современного мира [Норт, 2010], т.е. о «мире постоянно возникающих новых изменений», в котором существующие механизмы и накопленный опыт взаимодействий могут не являться достаточными для эффективного решения возникающих проблем. Как он метко подмечает, «для того чтобы знать будущее, нам потребовалось бы знать сегодня то, что мы будем знать завтра» [там же, с. 39].

Таким образом, среди важнейших свойств процессов, протекающих в современном мире и определяющих динамику эволюции международной и иных систем, можно выделить ортогональ-

¹ Ортогональность (мат.) представляет собой обобщение (синоним) понятия перпендикулярности. М. Манн использует это понятие для демонстрации зависимости между отдельными динамиками источников власти. Что же касается взаимодействия между динамиками, то можно говорить о неортогональности взаимодействия в контексте того, что сила воздействия на один из источников власти не приводит к сопоставимому (или прогнозируемому по величине) изменению в других.

² Неэргодичность представляет собой свойство системы, в соответствии с которым не существует вероятности того, что некоторое состояние будет повторяться.

ность и неэргодичность. Анархический характер мировой политики усиливается не только за счет включения в число международных акторов различных негосударственных игроков, но и из-за уменьшения эффективности существующих элементов глобального и регионального управления. Это также связано и с усиливающейся тенденцией к глубокой идеологизации международных отношений вкупе с растущей многофакторной конкуренцией. По мнению министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова, сама «парадигма современных международных отношений скорее определяется конкуренцией в самом широком прочтении этого понятия, ее предметом, помимо прочего, становятся ценностные ориентиры и модели развития» [Лавров, 2007].

При этом изменения, с которыми приходится сталкиваться, достаточно часто носят радикальный характер. В данном случае уместно обратиться к понятию «черного лебедя», предложенному Насимом Талебом. «“Черный лебедь” – это событие, обладающее следующими тремя характеристиками. Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [Талеб, 2009, с. 10].

Ортогональность, неэргодичность внутригосударственных и международных процессов вкупе с высоким риском «черных лебедей» на фоне процессов глобализации в конечном счете приводят к нарастанию неопределенности практически во всех сферах социально-экономической и политической деятельности. Как отмечает член-корреспондент Российской академии наук И.С. Иванов (в контексте международных отношений), «неопределенность обусловлена не отсутствием норм, а их несоблюдением со стороны как влиятельных и богатых государств, так и слабых, но задиристых. Элементы односторонности, ноты бесшабашного авантюризма и безответственности, заметные в политике, в том числе ведущих современных государств, размывают принципы международного сотрудничества и формируют атмосферу политической непредсказуемости» [Иванов, 2011, с. 53].

Одним из способов уменьшения нарастающей неопределенности и ее трансформации в относительно прогнозируемые риски

является институционализация существующих взаимодействий. «Люди пытаются использовать свои представления о мире для структурирования окружающей действительности таким образом, чтобы снизить неопределенность в отношениях с другими людьми» [Норт, 2010, с. 20]. С этой целью они принимают активное участие в создании различных институтов, которые определяют взаимодействие между людьми посредством создания систем стимулов, управляющих их поведением.

По мнению Эрика Райнерта, институты представляют собой «систематические паттерны общепринятых ожиданий, само собой разумеющихся предпосылок, принятых норм и привычек взаимодействия, которые оказывают заметное влияние на формирование мотивации и поведения групп взаимосвязанных общественных акторов» [Райнерт, 2011, с. 153]. При этом необходимо разделять понятия организаций и институтов. Организации представляют собой более жесткие структуры и относящиеся к более узким сферам.

Институциональная структура, которая является «комбинацией формальных правил, неформальных ограничений и особенностей их выполнения» [Норт, 2010, с. 20], отражает убеждения и ценности, сформировавшиеся в обществе в ходе его исторического развития. Внутренняя взаимосвязь между убеждениями и институтами, находящая отражение в формальных правилах, еще более тонко зафиксирована в неформальных институтах, таких как мораль, нормы, конвенции и кодексы поведения. Формальные элементы институциональной структуры могут корректироваться с учетом решений лиц, чьи системы убеждений играют определяющую роль в соответствующих структурах. Но неформальные институты очень часто не подвержены «прямым приказам» и потому более устойчивы. «Доминирующие убеждения, т.е. те, которые разделяют политические и экономические предприниматели, способные определять политику, со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение» [там же, с. 15].

Фундаментальным фактором, объединяющим убеждения и институты, а также формирующим динамику развития общества и корректирующим принимаемые решения, является «эффект колеи». Он представляет собой «ограничение возможностей выбора, существующих в настоящем, основанное на историческом опыте

прошлого» [Норт, 2010, с. 83]. «Эффект колеи» связан с устойчивостью и стабильностью ценностных установок общества, а также с тем, какие из аспектов накопленной информации будут оказывать влияние на процессы дефинизации¹.

В отношении важности накопленного исторического опыта с Д. Нортом солидарен и Гжегож В. Колодко, использующий понятие «тропинка зависимости», которая оказывает формообразующее воздействие на образ мысли людей и их понимание своего окружения [Колодко, 2011, с. 73]. Сойти с «тропинки зависимости» крайне непросто, поскольку разрыв с нею в том случае, если она мешает желанной трансформации и тормозит развитие, требует серьезных усилий на самых разных направлениях: от образования до политики, от перестройки ментальных конструктов до смены институтов.

«Тропинка зависимости» и «эффект колеи» могут приводить к серьезным искажениям в политике государства и реакции общества на те или иные проблемы и задачи развития. Достаточно часто при реализации политики учитываются и используются не наиболее подходящие и эффективные инструменты теоретического и прикладного характера, а средства, предлагаемые той или иной идеологической доктриной. К примеру, реализация политики в духе «Вашингтонского консенсуса», проводимая многими странами в 1990-е годы, достаточно часто приводила к крайне негативным результатам. Так, использование либеральных решений, предлагавшихся Монголии экспертами МВФ и Всемирного банка, способствовало деиндустриализации и падению реальных доходов населения [подробнее см.: Райнерт, 2011]. Схожая ситуация наблюдалась и в постсоветской России, когда для «оздоровления» экономики новые экономические власти страны обратились к книжным инструментам и средствам, не адаптированным к сложившимся условиям, но предлагавшимся зарубежными экспертами. Аналогичные примеры необдуманного распространения чужого опыта и

¹ Дефинизация (авт.) – процесс принятия решений в отношении национальных интересов, формулирования и решения ключевых задач, выбора способов и инструментов их разрешения и накопления необходимых ресурсов, а также оценки достигнутых результатов и определения новых стратегических целей и задач, в соответствии с которым в основе целеполагания лежат приоритеты обеспечения безопасности в разносторонних перспективах.

идей можно подыскивать и в политической и социальной сферах. В контексте процессов секьюритизации¹ и дефинизации чужое идеологическое влияние может приводить к постановке некорректных целей и выбору неверных инструментов их достижения. В результате под ударом могут оказаться как само государство, чьи правящие элиты делают подобный выбор, так и его общество.

Указанная проблема особенно обострилась в последнее время в условиях серьезнейшего идеологического и концептуального кризиса. Неолиберализм, доминировавший в мировой экономике после окончания «холодной войны», не справляется с разрешением сложных задач глобального развития. Неолиберальная доктрина не способна дать исчерпывающие ответы даже на вопросы, касающиеся поддержания темпов роста в странах, более других выигрывающих от ее распространения. Что уж говорить о небольших развивающихся государствах, фактически оказавшихся на обочине мировой экономики? Тем не менее серьезнейший «эффект колеи» в экономических элитах большинства стран мира не позволяет принимать правильные решения, соответствующие целям развития соответствующих государств. Те же, кто принимает этот вызов и успешно противостоит неолиберальному догматизму, оказываются в выигрыше, как, например, Китай или Япония и «азиатские тигры» несколькими десятилетиями ранее.

Соответственно, для эффективного функционирования государства и максимизации благосостояния его общества большую роль играет решение задач обеспечения идейного суверенитета. Идейный суверенитет может быть определен как способность общества самостоятельно обеспечивать генерацию или эффективное транспонирование² идей, ценностей и целей, а также формирова-

¹ Секьюритизация – дискурсивный процесс, посредством которого в политическом сообществе формируется восприятие того или иного фактора в качестве значимой угрозы и понимание необходимости по принятию срочных исключительных мер по ее разрешению, а также выражается соответствующий призыв [Buzan, Wæver, 2003, p. 491].

² Транспонирование – здесь: перенесение и внедрение ключевых понятий и свойств, характерных для одной системы, в другую систему с их изменением с учетом существующих особенностей устройства системы-объекта при сохранении ключевых принципов и особенностей переносимых элементов.

ние соответствующих институциональных конструкторов, соответствующих национальным интересам развития и безопасности.

Определенное сходство с концепцией идейного суверенитета имеет и концепция культурной безопасности, активно применяемая азиатскими и, в частности, китайскими учеными и политиками. Культура включается ими в понятие комплексной (совокупной) государственной мощи. Причем место и роль культуры в ней увеличиваются с каждым годом. Культурная безопасность может быть истолкована как обеспечение мер, направленных на формирование в рамках общества положительного и уважительного отношения к собственной культуре и исключение негативного влияния «враждебных сил». Фактически культурная безопасность также обозначает устойчивость широких слоев общества перед лицом возможных негативных тенденций и явлений в сфере культуры, которые могут нести существенные риски для поступательного и прогрессивного развития страны.

Достаточно часто на формирование «эффекта колеи» влияет «мягкая» сила внешних акторов. Так, привлекательность высокого уровня развития зарубежных государств может способствовать «перениманию» их моделей развития, зачастую без понимания необходимости национальной адаптации.

Дополнительные сложности с обеспечением культурной безопасности и поддержанием идейного суверенитета, а также поиском ответа на воздействие чужой «мягкой» силы связаны с тем, что в эпоху глобальных информационных сетей развиваются процессы «виртуализации» международных отношений. «Правительства в растущей степени вынуждены реагировать не на реальные вызовы, а на виртуализированную реальность, на телевизионные образы или на тех людей или организации, которые имеют регулярный доступ к СМИ или умело пользуются возможностями Интернета. Страны в растущей степени являются на мировом информационно-идеологическом, а опосредованно – и финансовом, и инвестиционном рынках – не тем, что они есть, а тем, как они выглядят и как их представляют» [Иванов, 2011, с. 56]. Соответственно, возникают серьезные искажения, находящие затем отражение в накоплении реальных проблем, которым предшествовали виртуальные поводы. Сочетания «виртуальных» отклонений и «эффекта

колеи» могут вместе приводить к совершенно причудливым формам национальной и международной политики страны.

«Эффект колеи» и проблема реализации внешней политики России

В ряде случаев «эффект колеи» и «тропинка зависимости» являются серьезнейшими препятствиями на пути реализации эффективной политики в сфере трансформации и адаптации страны к ключевым национальным и международным угрозам, вызовам и рискам. Россия не понаслышке знакома с подобной ситуацией. «Учитывая многочисленные внешние опасности, правители никогда не ставили под сомнение важность поддержания статуса великой державы, жертвуя для его сохранения своими обязательствами перед обществом. Парадокс заключался в том, что для сохранения свободы от внешних посягательств русским приходилось консолидироваться вокруг государства, но ценой державности становилась деградация внутренних компонентов русской свободы. Военная сила, имперское могущество и способность противостоять внешним вторжениям постепенно превращались из средств в самоцель. Экономическая полупериферийность обязывала взимать с общества все более высокие налоги и изыскивать все новые административные механизмы для его эксплуатации», – пишет исследователь А.П. Цыганков [Цыганков, 2015].

Подобная инерция «эффекта колеи» среди правящих элит неоднократно в российской истории приводила к радикальным пертурбациям и кризисам. В течение одного только XX в. можно насчитать не один десяток подходящих примеров: начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг. и заканчивая распадом Советского Союза. И в новом XXI в. «эффект колеи» не утратил свое значение в российской политике. Более того, в 1990-е годы он приобрел новое измерение. Д.А. Савкин пишет, что «ранним российским элитам постсоветского периода была необходима поддержка Запада в экономических преобразованиях и построении рыночной экономики, в связи с чем она (элита) быстро адаптировалась к прозападной линии международной политики, (далеко) не всегда реально соответствующей национальным интересам самой России» [Савкин, 2015, с. 33]. На существенный диссонанс между риторикой

и действиями западных партнеров в тот момент обращали внимание немногие представители властной элиты России. «Российская элита основывалась на допущении, что демократические преобразования в государстве непреложно включают Россию в число привилегированных союзников Запада, а затем сделают ее частью этого сообщества посредством интеграции в различные политические и экономические блоки» [Савкин, 2015, с. 33].

Тем не менее в элите постепенно нарастало недовольство существовавшим на тот момент порядком вещей, при котором «ее интересы не принимались во внимание, а Запад, напротив, не устанавливал для себя никаких ограничений и агрессивно продвигал свои геополитические и экономические интересы» [Братерский, 2015, с. 20]. Существенная проблема заключалась в том, что в первые годы после распада Советского Союза развитие отношений с Западом стало практически ключевым значимым ориентиром во внешней политике страны. Разумеется, поддерживались отношения и с другими партнерами, как на пространстве СНГ, так и в дальнем зарубежье. Тем не менее в указанный временной промежуток российские элиты в качестве своей ключевой цели видели именно интеграцию со странами «развитого мира».

Такое видение мировой политики в известной степени сохранялось и в следующем десятилетии. В.В. Путин отмечал, что «в 2003 году Россия и ЕС договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи мы предложили европейцам вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли и даже более продвинутых формах интеграции» [Путин, 2011]. Восхищение Западом, царившее в умах российской элиты, не было просто продуктом своего времени, «освобождения от оков коммунизма». Это измерение «эффекта колеи» было заложено еще в XVIII в., с Петровскими реформами. «Преклонение перед Европой» культивировалось в российской элите в течение нескольких сотен лет, а ослабело лишь в годы советской власти только для того, чтобы вновь вспыхнуть с ее окончанием. Очень четко проявлялся этот «эффект колеи» и в международной активности страны, существенно ослабевшей после 1991 г.

Тем не менее с ростом возможностей и восстановлением влияния России данная тенденция в сфере внешней политики начала постепенно затухать. Россия была более не готова не обращать внимания на поучительный тон в отношениях со стороны западных партнеров и их попытки максимизировать собственное влияние за счет российских интересов. Начало постепенно меняться и восприятие картины мира российской элитой: Запад, не теряя привлекательности своего уровня жизни, перестал являться носителем единственно верных «нравственных нарративов». Как писал в 2008 г. российский политолог С.А. Караганов, «в Москве многим кажется, что политико-пропагандистский прессинг, которому подвергается Россия, вызван исключительно недовольством российской самостоятельностью, повышением международного влияния. Но не менее важная причина – неуверенность западных стран» [Караганов, 2008, с. 60].

Эта неуверенность во многом стала следствием высокомерной и неадекватной политики, имевшей место в предыдущие десятилетия. Достаточно часто европейцы предпринимали и предпринимают действия, пролоббированные «старшим партнером» в лице США и не соответствующие их стратегическим целям и задачам. В числе ярких актуальных примеров можно упомянуть серьезный миграционный кризис, захлестнувший Европу в 2015 г., ставший результатом бездумной политики европейских стран на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Возвращаясь к постепенному изменению российских внешнеполитических ориентиров, нельзя не отметить тот факт, что к национальной элите, особенно ее слоям, ответственным за секьюритизацию и дефинизацию, начало постепенно приходить понимание незаинтересованности Запада в полноценном развитии России. Известный российский ученый М.В. Братерский писал, что «в развитом мире накоплены достаточные производственные мощности для обслуживания всех российских потребностей и их перенос в Россию вел бы к потерям Запада в рабочих местах, бюджетных доходах и общем богатстве» [Братерский, 2015, с. 17]. По этой причине развитые страны крайне не заинтересованы в появлении нового сильного конкурента, коим может стать Россия, решившая задачи модернизации национальной экономики. Российские власти во многом понимают риски, связанные с функционированием открытой экономики. «Она по-

звolyет максимизировать эффективность национальной экономики в рамках концепции относительных издержек, но не дает стимулов к качественному изменению этой экономики и выводу ее на новый, высокий уровень» [Братерский, 2015, с. 17].

Однако в реальной жизни непросто даже сформулировать задачи трансформации и модернизации экономики, а уж тем более обеспечить их полноценное претворение в жизнь в соответствии с корректной стратегией. Этому может воспрепятствовать не только нехватка собственных нужных ресурсов и компетенций, но и нежелание зарубежных партнеров ими делиться. Сюда же относится и неспособность применять наиболее эффективные механизмы и инструменты управления из-за «эффекта колеи» и нарушения идейного суверенитета. В случае, если какой-то фактор мешает достижению поставленных целей, он должен быть скорректирован для получения необходимого результата. Чаще всего серьезные трансформационные инициативы руководства страны не доводились до конца, в частности – инициативы, затрагивающие процессы серьезной переориентации российской внешней политической и экономической деятельности с Запада на Восток. В этом контексте необходимо обратиться к программной статье президента Российской Федерации В.В. Путина, опубликованной в ноябре 2000 г. в преддверии поездки на саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) [Путин, 2000]. В своей статье глава Российского государства отметил особую важность полноценного вовлечения России в политико-экономические взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В.В. Путин выделил ряд перспективных сфер и направлений сотрудничества России со странами региона, в том числе: развитие транспорта и добывающих отраслей, особенно нефти и газа, партнерство в сфере атомной энергетики и мирного космоса, а также помощь России в устранении последствий стихийных бедствий. Однако, как показала реальная жизнь, многого из сказанного не удалось достичь в полной мере.

По мнению А.П. Цыганкова, «курс последних полутора десятилетий исчерпал ресурсы развития. Созданное Владимиром Путиным государство зависит от энергетического экспорта, действует преимущественно в интересах влиятельных политико-экономических групп и пока не создало механизмов устойчивого долгосрочно-

го прогресса. Политический класс во многом не удовлетворяет требованиям современного развития. Процветание 2000-х годов не сопровождалось решением фундаментальных экономических и политических проблем. Конкурентоспособность экономики на сравнительно низком уровне. Высокий уровень коррупции и технологическое отставание российского бизнеса от западного существенно снижают поступления в казну, затрудняя дальнейшее укрепление государственности» [Цыганков, 2015]. В число перечисленных сложностей и неудач можно включить и не состоявшийся «разворот» на Восток. С подобным категоричным видением можно и не согласиться, обратив тем не менее на него внимание, поскольку оно действительно демонстрирует широкий пласт проблем, которые не удалось решить в «жирные» 2000-е годы. Как ни странно, причина этого также кроется в «эффекте колеи».

Колоссальный рост цен на энергоресурсы, обеспечивший стране высокие темпы экономического роста¹ и позволивший существенно повысить уровень благосостояния населения, также способствовал «консервации» сырьевой структуры экономики, основы которой были заложены в 1990-е годы. Нежелание и неготовность вносить реальные изменения в систему, которая «и так хорошо работает», для достижения будущих целей, ставя под угрозу получение имевшихся «дивидендов», сыграли с российскими властями и всей страной злую шутку. Очень многие здравые мысли, звучавшие в правительстве и в экспертном сообществе в то время, игнорировались, потому что казалось, что *status quo* удастся сохранить «всерьез и надолго».

Точно так же не были использованы и возможности глобального экономического кризиса 2008–2010 гг. Накопленная подушка безопасности в виде государственных стабилизационных фондов позволила населению пережить кризисные явления сравнительно безболезненно. Однако возможности для модернизации экономики вновь оказались упущены. Доминирующую роль в структуре экспорта играют топливо-энергетические товары, на которые в 2014 г. приходилось 74,02% стоимости российского экспорта (160 145,4 млн долл.), притом что в 2007 г. приходилось 68,17% (93 350,2 млн долл.). В структуре импорта же преобладают машины, оборудование и

¹ В течение 1999–2008 гг. варьировались от 4 до 10%.

транспортные средства: в 2014 г. – 95 759,1 млн долл. (55,06% из 173 908,6 млн долл.) против 69 648,0 млн долл. (59,08% из 117 889,6 млн долл.).

Впрочем, России удалось достичь определенных успехов в расширении торгово-экономического присутствия в АТР: так, из 789 612,3 млн долл. российского торгового оборота 211 109,8 млн долл., или 26,74%, составила торговля со странами АТЭС. Китай стал крупнейшей страной – торговым партнером России: объем двусторонней торговли составил 88 350,3 млн долл. Однако структура торговли России с Китаем схожа со структурой торговли России со странами «большой двадцатки», т.е. преобладает импорт продукции с большой добавленной стоимостью и экспорт продукции с низкой добавленной стоимостью. Соответственно, сложившаяся ситуация в структуре торговли пока никак не отражает стремлений руководства страны модернизировать экономику России.

Нельзя не отметить, что последние действия российского руководства также, по всей видимости, не будут способствовать «перелому» ситуации в сфере торгово-экономических отношений с Китаем. Так, 21 мая 2014 г. в ходе официального визита в КНР президента России В.В. Путина между «Газпромом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (China National Petroleum Corporation, CNPC) было подписано 30-летнее соглашение на поставку по восточному маршруту в Китай 38 млрд куб. м газа в год. Стоимость контракта – 400 млрд долл. В контракт включены условия take-or-pay (бери или плати). Первые поставки должны начаться в 2018–2019 гг. [Михневич, 2015, с. 95]. Однако падение цен на нефть во второй половине 2014 – 2015 г. привело к тому, что реализация указанного соглашения теперь стоит под вопросом. Причина этого кроется в механизме ценообразования, прописанном в контракте, и в частности привязке стоимости поставляемого газа к нефтяным котировкам. То, что было рентабельно при 100 долл. за баррель нефти, уже не весьма выгодно при цене менее 50 долл. Соответственно, в случае реализации проекта он может оказаться для России экономически нерентабельным и носить сугубо политический характер [Строкань, 2015]. Во многом указанные сложности связаны с особой важностью данного контракта для российских властей в условиях сложной международной обстановки. Его подписание ставило задачу продемонстрировать миру неэффектив-

ность ограничений против России и ее готовность дать асимметричный на них ответ. Без сомнения, китайские партнеры понимали это исключительное значение контракта и смогли «продать» все интересующие их условия.

Задача «разворота» российской внешней политики и модернизации национальной экономики была в очередной раз поставлена в повестку дня российского руководства в начале 2010-х годов, что было во многом связано с ухудшением международной обстановки с точки зрения России. С.А. Караганов в 2008 г. писал о стремлении стран Запада ограничить экономическую экспансию государств нового «авторитарного капитализма» и их компаний, об усилении конкуренции в сфере идеологии [Караганов, 2008, с. 60]. Так, в центре борьбы находятся вопросы демократии и прав человека, которые еще более «геополитизируются». Об этом пишет в своей статье 2012 г. «Россия и меняющийся мир» В.В. Путин, на тот момент – кандидат в президенты Российской Федерации. Он пишет следующее: «Часто говорят – права человека первичны по отношению к государственному суверенитету. Без сомнения, это так – преступления против человечества должны караться международным судом. Но когда при использовании этого положения легко нарушается государственный суверенитет, когда права человека защищаются извне и на выборочной основе – и в процессе “защиты” попираются такие же права массы людей, включая самое базовое и святое – право на жизнь, – речь идет не о благородном деле, а об элементарной демагогии» [Путин, 2012]. К указанному времени у российского руководства накопилась «критическая масса» недовольства политикой западных партнеров по отношению к России, что и нашло отражение в упомянутой статье В.В. Путина.

Трансформация внешнеполитического курса России

В целом же 2012 г. может считаться своеобразным водоразделом в стратегическом видении Россией своей роли в мировой политике. М.В. Братерский выделяет следующие ключевые изменения, затронувшие процессы дефинизации российского руководства [Братерский, 2015, с. 13]:

– цель интеграции в западные структуры была заменена идеей сохранения самостоятельности и общим поворотом к партнерам

на Востоке и Юге (пусть носящим во многом и декларативный характер. – *Авт.*);

- задача полного растворения национальной экономики в мировом рынке была скорректирована в сторону понимания необходимости собственной реиндустриализации, обеспечения основ экономической независимости и создания своего экономического объединения;

- была разработана стратегия нахождения компромиссов с западными лидерами мировой системы в сотрудничестве с группой незападных стран, в которой Россия была бы одним из лидеров;

- во внешнеполитическом мировоззрении России ценности наивного либерализма 1990-х годов были вытеснены идеями реализма и государственничества;

- вакуум на месте российской внешнеполитической идеологии был заполнен идеей собирания Русского мира и приоритетом защиты традиционных христианских ценностей.

В 2012–2014 гг. вышеуказанные особенности были отражены в официальных концептуальных документах, изданных российским руководством, таких как «Концепция внешней политики Российской Федерации», «Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию», «Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС». Эти документы содержали в себе существенную переоценку российскими властями внешнеполитических приоритетов, отмечались ключевые сложности настоящего этапа развития системы международных отношений, а также содержались подходы России к проведению внешней политики по отдельным направлениям. В концепциях также обращалось внимание на повышение значения новых центров силы и необходимости отражения этого в механизмах глобального управления, а также на невозможность сепаратного решения многих международных проблем и кризисных явлений. Данные документы фактически задали вектор развития внешней политики России, хотя реализация некоторых из их положений, вроде главенства норм международного права, вызывает неоднозначную реакцию на международной арене. В целом же документы отражали необходимость проведения более строгой и комплексной повестки в условиях усложнившейся среды мировой политики.

Ощущение негативного или даже враждебного окружения, особенно после событий февраля 2014 г. – победы Майдана, поддержанной странами Запада, и бегства законно избранного президента Украины, существенно усугубилось в российской элите и обществе в целом. Если ранее Россия только порицалась за свою последовательную, но не отвечающую интересам Запада политику по поддержке законного сирийского правительства, то с победой Майдана и последующим возвращением Крыма в состав России против России были введены санкции. Их цель заключалась в создании такого уровня давления на российское руководство, которое бы заставило его изменить выбранный политический курс. При этом в качестве поводов для расширения санкций и введения новых ограничений против экономики России стали использоваться события украинской гражданской войны, например, не подтвержденное участие российских вооруженных сил в боестолкновениях в Донбассе. По мнению Запада, Россия имеет неограниченное влияние на ополченцев, воюющих против вооруженных сил Украины, и должна постоянно его использовать для деэскалации конфликта. Однако ситуация не выглядит столь однозначной, поскольку западные «партнеры» ожидают от России односторонних действий, не принуждая власти Украины выполнять взятые ими обязательства. В этом также проявляется «эффект колеи», но уже со стороны Запада, привыкшего за 1990-е годы к постоянным уступкам и «сдаче позиций» российскими властями.

Подобное поведение стран Запада стимулирует новые попытки российских властей «пробить» «эффект колеи» и диверсифицировать свою внешнюю политику и экономическое сотрудничество. Неудивительно, что в поисках поддержки Россия обращается на Восток. Российскому руководству близки подходы к международному взаимодействию, продвигаемые странами Азии.

Так, традиционно в основе подхода КНР к выстраиванию отношений на международной арене лежали «пять принципов мирного сосуществования», впервые изложенные в декабре 1953 г. премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем¹. Они включают в себя [Внешняя политика., 2015]:

¹ Более подробно о вопросе эволюции идеологического измерения внешней политики КНР см.: [Михневич, 2013].

- 1) взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности;
- 2) взаимное ненападение;
- 3) невмешательство во внутренние дела друг друга;
- 4) равенство и взаимная выгода;
- 5) мирное сосуществование.

В 1976 г. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) опубликовала документ, получивший название «Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» (Treaty on Amity and Cooperation, или Bali Concord I), содержащий следующие положения [Treaty of amity..., 1976]:

1) взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех наций;

2) право каждого государства руководить своим существованием без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и принуждения;

3) невмешательство во внутреннюю политику другого государства;

4) разрешение разногласий и споров мирными средствами;

5) отказ от применения силы или угрозы силы;

6) эффективное сотрудничество между государствами.

Указанные подходы во многом соотносятся с российским видением мировой политики. Тот же подход КНР к выстраиванию «гармоничного мира», в основе которого лежит сотрудничество разных государств и их обществ, весьма импонирует российской элите, поскольку не претендует на навязывание единственно верного морального ориентира. Тем не менее сам тот факт, что российскому руководству импонируют идеологические подходы азиатских государств, не способен сломать «эффект колеи» в отношении восприятия Азии в российском обществе и его элитах. Как пишет В. Попов, «до тех пор пока отношения с Западом не ухудшились и не разразился украинский конфликт... россияне не желали ассоциироваться с азиатами. Они идентифицировали себя с европейцами и постоянно апеллировали к категориям европейской цивилизации: европейское образование, европейские ценности, европейский сервис, европейское качество... Устойчивые же словосочетания в отношении Азии были совсем другими: “азиат-

ское коварство”, “азиатская хитрость” и даже “азиатская жестокость”... Стереотипы меняются, но процесс идет медленно» [Попов, 2015]. Указанное восприятие Азии еще и накладывается на негативную «виртуализацию» образа стран макрорегиона, особенно КНР, осуществляемую западными средствами массовой информации.

«Доминирование Запада проявляется не только в экономической и политической областях, но и в сфере культуры. Подобное положение в перспективе способно привести к установлению духовного тоталитаризма, утрате национальной, культурно-религиозной идентичности странами, не относящимися к западной цивилизации» [Арсентьева, 2008, с. 18]. С этим утверждением постепенно соглашается все больше представителей современной российской элиты, столкнувшихся с риском применения против себя существенных ограничений со стороны зарубежных партнеров из стран Запада. Даже «просто вести бизнес», стараясь дистанцироваться от политики, становится крайне сложным, что способствует изменению восприятия деловой элитой страны возможностей сотрудничества с зарубежными партнерами.

Разумеется, экономика России испытывает сложности из-за введения в отношении нее ограничений со стороны Запада. Однако их существенно переоценивают. В недавнем исследовании, подготовленном представителями Центрального банка Российской Федерации и МВФ, снижение потолка ВВП в течение двух лет (2015–2016) оценивается в 4,2–4,8%, из которых на санкции приходится 0,5–0,6% [Бутрин, 2015]. По мнению некоторых экспертов, введение санкций наконец-то дает российскому руководству решающий стимул в реформировании своей экономической и международной повестки дня. «Санкции Запада против российской экономики несут не только риски, но и новые возможности, связанные с увеличением внутренних стимулов развития и диверсификацией внешнеэкономических связей по направлению к азиатским рынкам. База внутренней поддержки государства в связи с украинским кризисом расширилась, создавая потенциал для новой консолидации власти... Новых возможностей не реализовать без заметной роли государства, способствующего развитию общественной инициативы, предлагающего новые масштабные проекты и мобилизующего общественные ресурсы» [Цыганков, 2015]. И раз-

витие отношений с новыми партнерами является эффективным способом справиться с важнейшими задачами развития страны.

В данной канве также должны рассматриваться и последние действия российских элит по формированию новых институтов, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), начавший функционировать с 1 января 2015 г. Его предшественником был Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана, созданный в 2010 г. в целях стимулирования взаимной торговли и формирования условий для комплексного и взаимовыгодного социально-экономического развития. В 2012 г. начало функционировать Единое экономическое пространство. 29 мая 2014 г. в Астане президентами России, Беларуси и Казахстана был подписан Договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), к которому затем присоединились Армения и Киргизия.

А.И. Суздальцев полагает, что «евразийский интеграционный проект развивается под давлением политической воли президентов (государств-участников). Создаваемые институты имеют специфическую “дорожную карту”, опирающуюся на политическое расписание, а не на вызревание экономических и политических стимулов в государствах-партнерах» [Суздальцев, 2015, с. 53]. Разумеется, рассчитывать на достижение всеобъемлющих успехов в краткосрочной перспективе не приходится. Но справедливым будет и утверждение, что свои относительные и абсолютные преимущества, проистекающие в том числе из эффективных и емких институтов, государства должны создавать сами. Х. Клинтон считает, что «существует движение в сторону ресоветизации региона [постсоветское пространство. – *Авт.*]. Это не будет называться именно так. Это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом и все в таком роде. Не будем заблуждаться на этот счет. Мы знаем, в чем заключается цель, и мы стараемся разработать эффективные способы того, как замедлить или предотвратить это» [Clover, 2012]. Даже если некоторые шаги могут казаться неподготовленными и не совсем логичными, если их не сделать, то может быть упущено драгоценное время, а условия для выигрыша – потеряны.

Тем не менее Россия очень осторожно относится к вовлечению внешних, более мощных акторов к развитию собственных институциональных инициатив, справедливо считая необходимым

минимизировать риски «перехвата лидерства». Так происходит с развитием сотрудничества на площадке Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), в которой Россия старательно ограничивает стремление Китая расширить экономическое измерение сотрудничества и поставить его под свой контроль.

В экономической повестке ШОС на протяжении последних лет стоит вопрос создания финансового механизма сопровождения проектной деятельности в рамках организации. Минфин России совместно с МИДом России в течение 2014 г. осуществлял работу, направленную на продвижение российского предложения о преобразовании Евразийского банка развития (ЕАБР) в Банк развития ШОС. Однако по итогам консультаций, проведенных со странами – членами ШОС, в том числе в рамках заседания Совета глав правительств государств – членов ШОС 14–15 декабря 2014 г. в Астане, достичь консенсуса по вопросу трансформации не удалось. Российское предложение активно поддержал лишь Казахстан. КНР выразила готовность поддержать создание Банка развития ШОС на базе ЕАБР только в случае согласия всех стран ШОС. Одновременно Узбекистан и Киргизия выступили резко против предложенного российской стороной подхода и продолжили настаивать на создании отдельного Банка ШОС «с нуля» с размещением его штаб-квартиры в Ташкенте или Бишкеке соответственно. Таким образом, дальнейшее продвижение инициативы создания Банка развития ШОС на базе ЕАБР оказалось нереализуемым.

Кроме того, Российская Федерация, так же как и остальные члены ШОС, присоединилась к инициативе учреждения Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). А одним из приоритетных регионов для инвестиций АБИИ станет именно регион ШОС. Так, китайская сторона высказывалась о своем намерении поддержать через АБИИ инвестиционные инициативы в рамках реализации китайского мегапроекта «Экономический пояс Шелкового пути», маршрут которого проходит через территорию стран – членов ШОС.

Еще одним проявлением процессов институционализации, продвигаемых Россией, является взаимодействие в рамках БРИКС, а также создание Нового банка развития [БРИКС] как частный случай. Цель деятельности банка заключается в финансировании инфраструктурных проектов и проектов устойчивого развития в го-

сударствах БРИКС и развивающихся странах. Ожидается, что в будущем банк сможет стать значимым источником для привлечения долгосрочных инвестиций в целях финансирования масштабных инфраструктурных проектов на территории Российской Федерации. Указанный институт должен стать одним из крупнейших международных банков развития. Разрешенный к выпуску капитал составит 100 млрд долл., распределенный – 50 млрд долл., в том числе: оплачиваемый – 10 млрд долл., капитал, оплачиваемый по требованию, – 40 млрд долл. Капитал банка распределяется между странами БРИКС в равных долях – по 20%. Все страны БРИКС завершили необходимые для вступления в силу соглашения внутригосударственные процедуры, что позволило провести в июле 2015 г. инаугурационное заседание Совета управляющих банка и тем самым осуществить официальный запуск Нового банка развития. Планируется, что банк профинансирует свой первый инвестиционный проект уже через девять месяцев. Однако в данный момент понять, насколько эффективной будет работа данного механизма, так же как и других институциональных структур, продвигаемых Россией, не представляется возможным. И причиной этого может стать как «эффект колеи», так и совокупность событий и факторов, отличающих развитие мировой политики и экономики.

В заключение хотелось бы обратить внимание на результаты любопытного исследования «Российская элита – 2020», проведенного экспертами международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 г. Его данные во многом способны объяснить причины неудач с трансформацией и «разворотом» внешней политики России в первом десятилетии XXI в. Если в 1999 г. среди представителей российских элит 1961–1970 гг. рождения 89% людей, участвовавших в опросах, полагали, что национальные интересы России выходят за рамки существующих государственных границ, то в 2012 г. таких осталось только 40% [Российская элита., 2013, с. 22–23]. Аналогичная картина имела место и среди представителей элиты моложе 1971 г. рождения: количество сторонников «широкой» концепции национального интереса в ней сократилось с 87% в 2004 г. до всего лишь 41,5% в 2012 г. [там же].

Одного взгляда на результаты данного исследования достаточно, чтобы понять, что любые начинания российского руководства по реформированию внешней политики будут наталкивать-

ся на отсутствие поддержки или даже на сопротивление представителей элит, которые фактически являются проводниками идей. Сложно говорить о развороте внешней политики и решении каких бы то ни было масштабных задач, если в элите отсутствует понимание их содержания. Вероятно, причина такого «сжимания» национальных интересов в понимании элиты связана и с не совсем корректной политикой российских властей. Так, представляется недостаточным применение ресурса «мягкой» и «умной» сил как на международной арене, так и во внутренней политике. Особенно это касается применения новых, нетрадиционных средств, как, например, использование образа национального лидера в качестве международного ресурса «мягкой» силы. Попытка играть на территории зарубежных государств и обществ, поднаторевших в политике «мягкой» силы, может, скорее, приводить к негативным результатам.

Очень часто элита оказывается под воздействием «мягкой» силы зарубежных государств, что приводит к существенному искажению в ценностных и идеологических ориентирах и формированию новых траекторий «эффекта колеи». Результатом этого может стать обострение как внутригосударственной, так и международной идеологической борьбы и усиление конкуренции. А одним из результатов многофакторной конкуренции в мировой политике является «уменьшение интенсивности и качества международного сотрудничества по противодействию глобальным вызовам – распространению оружия массового уничтожения, деградации окружающей среды, исламскому экстремизму» [Караганов, 2008, с. 53]. Российским властям нужно стараться уделять больше внимания формированию консенсуса в элите относительно целей и задач своей политики, что станет важным шагом к серьезным успехам в их достижении и исключению негативных форм «эффекта колеи». А применение интересных и неординарных средств позволит дать полноценный асимметричный ответ на недружественные действия зарубежных акторов в условиях сложной ситуации на международной арене.

Список литературы

Арсентьева И.И. Россия между Востоком и Западом: Стратегия национальной безопасности. – М.: Восток-Запад, 2008. – 190 с.

Бутрин Д. Нефть как главная разновидность санкций // Коммерсантъ. – М., 2015. – 20.08. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2792022> (Дата обращения – 30.09.2015).

Братерский М.В. Трансформация внешней политики России // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 13–21.

Внешняя политика Китая: Независимая, самостоятельная, мирная внешняя политика / ДВО РАН. – 2015. – Режим доступа: <http://www.febras.ru/partnery/kitaj/197-vneshnyaya-politika.html> (Дата обращения – 30.09.2015).

Иванов И.С. Внешняя политика в эпоху глобализации. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. – 288 с.

Караганов С.А. Новая эпоха // Россия и мир: Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. С.А. Караганов. – М.: АСТ: Русь-Олимп, 2008. – С. 42–64.

Колодко Г.В. Мир в движении / Пер. с польск. Ю. Чайникова. – М.: Магистр, 2011. – 574 с.

Лавров С.В. Настоящее и будущее глобальной политики: Взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. – М., 2007. – № 2. – Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/number/n_8385 (Дата обращения – 30.09.2015).

Манн М. Конец, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун / Пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: Изд. Ин-та Гайдара, 2015. – С. 113–155.

Михневич С.В. Инновационные аспекты энергетической политики КНР: Внутреннее и внешнее измерения // ЭКО. – Новосибирск, 2015. – № 2. – С. 87–110. – Режим доступа: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010-2019/2015/N02/3_Articles/087Michnevich.pdf (Дата обращения – 30.09.2015).

Михневич С.В. Трансформация внешнеполитической идеологии КНР в 1949–2012 гг. и ключевые парадигмы современной китайской внешней политики // Материалы 3-й международной научно-практической конференции «Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества» / Отв. ред. Д. Буяров. – Благовещенск, 2013. – С. 200–206.

Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2010. – 256 с.

Попов В. Почему Россия опоздала с разворотом на Восток // РБК. – М., 2015. – 11.09. – Режим доступа: <http://www.rbcdaily.ru/economy/562949997094639> (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Известия. – М., 2011. – 03.10. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/502761> (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Российская газета. – М., 2012. – 27.02. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html> (Дата обращения – 30.09.2015).

Путин В.В. Россия: Новые восточные перспективы // Президент России. – М., 2000. – 09.11. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132> (Дата обращения – 30.09.2015).

Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; Под ред. В. Автомова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – ВШЭ, 2011. – 384 с.

Российская элита – 2020: Аналитический доклад грантополучателей Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Циммерман У., Инглхарт Р., Понарин Э., Лазарев Е., Соколов Б., Вартанова И., Туранова Е. – М., 2013. – 122 с. – Режим доступа: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_elite_2020_rus.pdf (Дата обращения – 30.09.2015).

Савкин Д.А. Евразийский регион сквозь призму представлений российских элит // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 22–50.

Строкань С. Дружба двух площадей // Коммерсантъ. – М., 2015. – 31.08. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2799924> (Дата обращения – 30.09.2015).

Суздальцев А.И. Россия и евразийская интеграция: История и современность // Россия и Китай в евразийской интеграции: Сотрудничество или соперничество? / Под ред. Ли Сина, М.В. Братерского, Д.А. Савкина, Ван Чэньсина. – М.; СПб.: Нестор-История, 2015. – С. 51–68.

Талёб Н.Н. Черный лебедь: Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькина, А. Бердичевского, М. Костионовой, О. Попова; Под ред. М. Тюнькиной. – М.: Колибри, 2009. – 528 с.

Цыганков А.П. Сильное государство: Теория и практика в XXI веке // Россия в глобальной политике. – М., 2015. – № 3. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-XXI-veke-17489> (Дата обращения – 30.09.2015).

Buzan B., Wæver O. Regions and powers: The structure of international security. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – 594 p.

Clover Ch. Clinton vows to the thwart new Soviet Union // Financial Times. – L., 2012. – 06.12. – Mode of access: www.ft.com/cms/s/0/a5b15b14-3fcf-11e2-9f71-00144feabdc0.html#axzz2ShFUAOnl (Дата обращения – 30.09.2015).

Treaty of amity and cooperation in Southeast Asia / ASEAN. – Bali, Indonesia, 1976. – 24 February. – Mode of access: <http://www.asean.org/news/item/treaty-of-amity-and-cooperation-in-southeast-asia-indonesia-24-february-1976-3> (Дата обращения – 30.09.2015).